

Возможно, все было бы проще, если бы я никогда не вспоминала об этом.

"Почему семья должна быть разделена?" спросила я, нахмурившись, вспоминая рассказ Хидэёси. Что-то о том, что долг ветви семьи - защищать главный дом. О том, что их суверенный долг - защищать главный дом, а долг главной семьи - обеспечивать выживание клана.

"Семья ветви не может быть счастлива таким образом, не так ли?"

Мама тихо провела пальцами по моим волосам, и я наслаждалась ее присутствием, пока доедала тарелку с рисовыми шариками. Я почти ничего не ела во время вечеринки.

"Я замужем за твоим отцом уже пять лет, а знаю его гораздо дольше", - начала она легким голосом. "И я никогда не слышала, чтобы он жаловался на свой долг".

Когда я подняла на нее глаза, на ее лице появилась задумчивая улыбка. "Я уже вижу, что ты начинаешь развивать в нем это качество".

Она легонько ущипнула меня за щеку. "Но ты также подвергаешь сомнению и тщательному анализу все, что тебе дается, видишь, что скрывается под этим. Очень зрело для такого юного человека. Исключительно".

Я наклонила голову от ее замечания. Я была худшей трехлеткой на свете.

"Но счастлив ли он?" спросила я, пытаюсь вернуть ее в нужное русло. "По-настоящему счастлив?"

"А ты счастлива, Дзюнко-чан?" - спросила она, прижавшись к моей щеке и подняв голову, чтобы наши глаза встретились.

Я нахмурилась, нахмутив брови. Я и раньше не была несчастна, но сегодня все чувства радости улетучились. Худший день рождения за всю историю.

"Я имею в виду в целом, - усмехнулась она, проведя большим пальцем по моей нахмуренной брови. "До сегодняшнего дня. Ты была счастлива?"

Я с удовольствием училась вместе с матерью и отцом; день ото дня я все больше и больше любила их. Поначалу мне было трудно принять Кимико как свою мать. Конечно, она кормила меня, переодевала и многому научила об этом мире. Она всегда любила и заботилась обо мне. Иногда она начинала петь, и мы танцевали по гостиной, я раскачивалась на ее руках, кружилась по кругу и спирали под страстный ритм. И хотя пройдет еще несколько десятилетий, прежде чем ее можно будет сравнить с моей прежней матерью, я несомненно ее любила.

Рождение отца было совершенно новым опытом. Даичи был спокойным человеком, строгим в своих наставлениях и воспитании, но в то же время добрым. Если Кимико была теплом и солнечным светом весной, то Даичи - тенью дерева в жаркий летний день. Хотя я не так часто видела его каждый день, он обязательно здоровался со мной по утрам и желал спокойной ночи каждый день. Иногда мы просто сидели на веранде и читали, если он не был занят. Иногда я устраивала с ним бои за щекотку, которые он неизбежно выигрывал, оставляя меня хихикать в его объятиях. Он был наименее хьюга из всех кланников, которых я встречала. Его маленькая, но искренняя улыбка, согревающая бледные глаза, когда он хвалил меня всякий раз, когда я делал что-то правильно, была тем, чем я дорожил. И я безусловно любила его.

Я была счастлива.

"Мне нравится быть с Мамой и Папой", - твердо кивнула я. Это было единственное, в чем я была уверена в этом мире. "Я счастлива быть с тобой".

Она улыбнулась.

"Значит, и твой отец счастлив. Я в этом уверена", - сказала она. "Мы заботимся только о твоём счастье и благополучии".

И кто я такая, чтобы сомневаться в этом?

Недели и месяцы, последовавшие за моим днем рождения, были заняты по всем направлениям. Я все реже виделась с родителями и старалась скрыть свои переживания, погружаясь в новые книги и свитки. Когда родителей не было дома, за мной приходили и присматривали члены семьи, но я уже привыкла их игнорировать. Они заботились о моем благополучии только потому, что это было их обязанностью. Но я оставалась послушной, хотя бы для того, чтобы родителям было о чем беспокоиться. И дело не в том, что они относились ко мне недоброжелательно, отнюдь нет. Но они не были моими родителями.

Подготовка к войне была гораздо важнее, чем любая истерика, которую я могла закатить.

Я не знала подробностей, но, судя по всему, конфликт на границе обострился до такой степени, что пришлось отправить на фронт еще больше шиноби. Ни мать, ни отец не упоминали о том, что их призывают в армию, но это было неизбежно.

Я почувствовала себя немного лучше от того, что начала ощущать свою чакру. Катушки чакры были очень странной вещью, по крайней мере, мои. Вероятно, из-за реинкарнации баланс духовной энергии превышал физическую. В этом был смысл, поскольку духовная энергия черпается из сознания разума. У меня был дополнительный двадцать один год, в то время как мое жалкое трехлетнее тело пыталось идти в ногу со временем. В прежней жизни я также считалась интровертом; я постоянно находилась в своих мыслях, и этот аспект не претерпел особых изменений. Я не могла ничего поделать с недостатком физических способностей, так как ни родители, ни я сама не хотели создавать проблемы в моем развитии, слишком торопясь. Как будто я и так не была быстрой.

Когда я концентрировалась, то чувствовала, как чакра течет по моим путям; это было странное, но приятное ощущение. Особенно когда я медитировала; я сосредотачивалась на своем ядре и мысленно прослеживала потоки от головы до пальцев ног. Иногда я проводила часы в медитации, и только потом меня беспокоил тот, кто был выбран моим хранителем на этот день. Во время некоторых своих внутренних исследований я обнаружил странную концентрацию чакры в голове, а точнее, за глазами. Я мог только предположить, что это как-то связано с бьякуганом. Я испытывал искушение побаловаться с этим, но вероятность того, что мои глаза взорвутся или вытекут из черепа, была риском, на который я не хотел идти, как бы смешно это ни звучало.

Шел конец четвертого месяца редких встреч с родителями, когда пришло сообщение. "Третий" объявил, что на границе произошла очередная серия стычек и что туда отправляются дополнительные шиноби.

И конечно же, как и говорил старейшина, будет отправлен взвод Хьюга. Взвод, в который входил мой отец и, как я не ожидал, моя мать. Я думал, что ее род, как одного из последних Сендзю, освободит ее от участия в боях на фронте. Я думаю, было бы идиотизмом позволить куноичи ее уровня оставаться на заднем плане, когда другие шиноби умирают на фронте. Она не была так искусна в целительских искусствах, как ее кузина Цунаде, но контроль чакры у нее был лучше, чем у большинства. Она прекрасно владела барьерными печатями и вообще была экспертом по диверсиям и шпионажу.

Но от этого легче не становилось.

Было утро; я сидела за обеденным столом, пока родители метались между комнатами нашего дома, чтобы в последнюю минуту достать свитки или пайки. Я наблюдала за ними, пока мой завтрак оставался недоеденным.

"Дзюнко-тян", - щебетала мама, засовывая тонкий свиток в карман жилетки. "Ты должен есть, если хочешь продолжать тренировки".

Я взяла палочки и начала медленно запихивать еду в рот, губы все еще были сжаты.

"Кими", - раздался голос отца, вошедшего на кухню. Его большая и тяжелая рука легла мне на голову, пока я сглатывала. "Ты подготовила все печати к нашему отъезду?"

Моя мать вздохнула, и ее счастливый фасад исчез. Ее глаза цвета меда были печальны, когда она смотрела на нас.

"Да, Дайчи. Все учтено. Я также упаковала несколько запасных для остальных".

"Спасибо." Его голос был мягким и серьезным. Мать вздохнула и подошла к нам, обняв нас обоих. Никто не произнес ни слова, пока мы наслаждались тем, что могло стать нашими последними минутами вместе. От этой мысли у меня сжалось горло и заслезились глаза. Я

глубоко вздохнула и взяла себя в руки. Это они отправлялись на войну, а не я. Я не могла усложнять им жизнь.

Мама взяла меня на руки и крепко обняла, а отец прижался к ней сзади.

"О, наша драгоценная дочь. Такая сильная", - прошептала она, когда я прижалась к ее жилету.

Наш момент был прерван стуком в дверь.

<http://tl.rulate.ru/book/114033/4325998>